

УДК 008**Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников****Донгак Светлана Чондан-ооловна**

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник сектора археологии и этнографии,
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, 4;
e-mail: svetlanadongak@mail.ru

Ондар Азиана Уран-ооловна

Научный сотрудник группы этнографии,
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, 4;
e-mail: aziana27ondar88@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается культ молочной пищи у тувинских кочевников, понимаемый ими как ак чем – «белая пища». Сакральность ее была связана с белым цветом, ассоциировавшимся у тувинских кочевников с такими понятиями, как ак сеткил – «белая» или «чистая душа», ак орук – «белая» или «беспрепятственная дорога», ак кидис – «белый войлок», что олицетворяло в целом чистоту, благородство и благополучие. По причине того, что из молока получали множество других продуктов, «белая пища» стала символизировать также богатство и сытость, что соответствовало также представлению о состоятельности и благополучия хозяйства. Сочетание этих двух аспектов – чистоты и сытости, и были основными причинами того, что «белой пище» были приписаны сакральные свойства, угодные высшим силам. Однако здесь существовала строгая регламентация того, какие виды молочной пищи подносить тем или иным божествам. Так, само молоко, а также кислые и твердые молочные продукты нельзя было класть, например, в огонь, поскольку это вызывало прогорклый запах, могущий не понравиться божественным силам и т.д. Разбрызгивание же молока в стороны света и Неба, производили при помощи ритуальной ложки, называемой тос карак – «девять глаз», связанной с буддийскими воззрениями. Таким образом, высокое отношение к молоку выработало своеобразный поведенческий этикет у тувинских кочевников, основанный на запретах.

Для цитирования в научных исследованиях

Донгак С.Ч., Ондар А.У. Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 2А. С. 233-239.

Ключевые слова

Молоко, символ чистоты и сытости, запрет проливать молоко, смешение молока и воды, запрет смешивать молоко и кровь, правила подношения молока, ритуальная ложка тос карак, запрет предавать огню кисло- и твердо-молочную пищу, «желтая пища».

Введение

Территория Тувы является одним из центров формирования кочевничества, насчитывающего свыше трех тысячелетий своей истории. За многие столетия местные кочевники не просто научились использовать продукцию скотоводства, но и перерабатывать, и совершенствовать технологию ее изготовления. Это относится и к молочной продукции, которая со временем стала входить в ежедневный рацион тувинцев.

О роли молочной продукции в жизни тувинских кочевников точное и объемное наблюдение сделано Г.Е. Грумм-Гржимайло: «Молоко и продукты, из него получаемые, составляют главнейший элемент питания тувинской семьи. День ее начинается тем, что старшие пьют чай с молоком или сметаной, подрастающее поколение получает «хайтнак» (хойтпак. – Авт.) кислое, снятое, вареное коровье молоко; своего гостя сойот всегда встречает квашеным молоком – айраном или кумысом; к чаю подаются сушеные сливки в виде блинов (уреме – хиды) (ореме. – Авт); в дорогу сойот запасается хурутом – сыром в мелких кусках, чаще всего сухим творогом; в качестве приза на состязаниях раздается сыр – быштак...» [Грумм-Гржимайло, 1926, 96]. Наряду с этим тувинцы, как и многие другие кочевые народы, стали придавать молочной продукции также и сакральное значение.

В литературе, касающейся традиционного уклада жизни кочевников, скотоводческая кухня, в том числе молочная пища, не обойдена вниманием. Упоминания о ней имеются еще у Гильома де Рубрука [Путешествия..., 1957], Г.Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло, 1926], В. Тюменца [Распросные речи..., 1995] и др. Более системно молочная пища у тюрко-монгольских кочевых народов, изложена, например, в работах С.М. Абрамзона [Абрамзон, 1971], Н.Л. Жуковской [Жуковская, 1979], Л.П. Потапова [Потапов, 1953].

Что касается пищевой продукции у тувинских кочевников, в том числе молочной пищи, то в разной степени она освещена в работах Е.К. Яковлева [Яковлев, 1900], Л.П. Потапова [Потапов, 1969], С.И. Вайнштейна [Вайнштейн, 1991], Г.Н. Курбатского [Курбатский, 2001], Е.Д. Прокофьевой [Прокофьева, 2011] и др. Все они в основном носят описательный характер. Сакральные же стороны, приписываемые тувинцами молоку, в литературе не изучены, если не считать замечания Ф. Кона о том, что «...молоко во всевозможных видах считается почетным кушанием. «Почтение выражается белым» – говорят сойоты (тувинцы. – Авт.)» [Кон, 1934, 171].

В данной статье впервые делается попытка изложить тайные аспекты, которые тувинцы придавали молочной пище, называя ее ак чем – «белая пища». Этот интересный аспект относительно молочной пищи указывает также на мировоззренческие взгляды тувинских кочевников.

Запреты, связанные с молоком

Как и у многих кочевых народов, сакральность молока у тувинцев была связана именно с его белым цветом, поскольку он ассоциировался с такими понятиями чистоты и благополучия,

как ак сеткил – «белая» или «чистая душа», ак орук – «белая» или «беспрепятственная дорога», ак кидис – «белый войлок», что соответствовало также представлению о состоятельности и благополучия хозяйства.

В ряду этих понятий, «белая пища» также занимала свое особенное место. Помимо цвета, другим аспектом высокого отношения к молочной пище являлось чувство благодарности к молоку и его производным продуктам, благодаря которым кочевники имели разнообразную еду. Здесь следует сказать, что тувинцы по отношению к любому объекту, вызывавшему чувство почтения (например, домашнему очагу, источнику воды и т.д.) придерживались определенного поведения, как правило, основанного на запретах. Относительно молока, первым запретом было недопущение попадания даже его капель на землю. Так, даже случайное пролитие молока, например, при дойке коровы, вызывало порицание у окружающих людей и досаду, даже испуг у самого провинившегося человека. Окропление молока в сторону Неба и четыре стороны света или вслед человеку, отправлявшемуся в долгий путь с пожеланиями «белой дороги», когда капли молока так или иначе попадали на землю, нарушением запрета не считалось, поскольку рука человека изначально направлялась вверх.

Вторым строгим табу, которого придерживались (и придерживаются) тувинцы по отношению к молоку, был запрет смешивать его с кровью. Известно, что некоторые кочевники, как, например, ближайшие соседи тувинцев, алтайцы или хакасы при приготовлении кровяной колбасы смешивают кровь с молоком [Потапов, 1953, 56; Бутанаев, 1981, 110-111]. Наличие молока придает мягкость блюду. У тувинцев же кровь также имеет тайный смысл, связанный, например, с так называемым кижиниң кызыл тыны – «букв. с красным человеческим дыханием (душой)», поэтому смешение этих субстанций было невозможно по религиозным воззрениям. Здесь, как видно, сакральные познания тувинцев берут верх над вкусовыми качествами еды. Молоко не смешивали с кровью также и монголы [Жуковская, 1979, 67].

Говоря о смешении молока с жидкими субстанциями, следует сказать, что его обильно добавляли только в тувинский чай, в остальных же случаях достаточно было его нескольких капель. Так, например, при проведении некоторых религиозных обрядов тувинцы готовили так называемый аржаан – смесь воды и молока (соотношение примерно 95% и 5% соответственно), куда добавляли также щепотку можжевельника. Этой смеси тувинцы приписывали очистительные функции, поэтому основным ингредиентом здесь должна была быть вода, а небольшое количество молока, которое буквально должно было придать белый цвет, символизировало благополучие.

По этой же причине, когда поклонялись источнику воды или пересекали реку, главным по значению становилась вода. Молоко, как символ благополучия (в данном случае, благополучного сплава через реку), лишь слегка брызгалось в ее сторону, но не смешивалось с водой. Так воздавалось почтение хозяевам воды. Таковы были тонкие грани между этими священными для тувинских кочевников жидкими субстанциями.

Само молоко, как проявление доброй мотивации, а также символ богатства, поскольку из него получали множество других продуктов, и как лучшая часть «белой пищи» в чистом виде подносилось, например, буддийским божествам. В дополнение к нему выставлялись и другие молочные продукты. Они же подносились при обрядах, связанных с поклонением хозяевам местных гор, тайги, источнику воды, домашнего очага и т.д.

Правила подношения молока и молочных продуктов

Здесь следует сказать также о правилах, согласно которым подносилось молоко. Кроме случая, когда его наливали в чашку и ставили, например, на алтарь, во всех других это делалось

с помощью ритуальной ложки тос карак – «девять глаз». История ритуальной ложки с девятью углублениями в Туве восходит к распространению буддизма (первое наскальное изображение Будды на территории Тувы относится к VII в.) и связанных с ним ритуалов, хотя ложки обрядового значения, без таких углублений, относятся еще к скифскому периоду, не говоря о более поздних, например, тюркском времени. Связь «девятиглазки» с буддизмом просматривается потому, что она присутствует также в культуре тибетцев, монголов и бурят, придерживающихся этой же религии. «Девятью глазами» у тувинцев она называется потому, что на ее основной части имеются девять углублений, обозначающих верхний мир и восемь сторон света: четыре основных и четыре промежуточных. Полагалось, что на небе и каждой стороне света обитают божества, которым и подносились высшие части «белой пищи» – молоко или молочный чай. Это представления простых людей. Однако для буддийских служителей культа это не девять, а десять сторон света – углубление в середине обозначает слитные в одно верхний и нижний миры. Даже в последнем находятся божества, чтобы помогать страдающим там существам. В любом случае, каждая тувинская хозяйка каждое утро этой ложкой брызгала в сторону Неба и четыре стороны света, а также на домашний очаг первые капли свежего чая, т.е. «белой пищи».

Говоря об окроплении молоком домашнего очага, следует сказать, что и здесь существовали своеобразные запреты. Собственно молоко лишь слегка брызгалось в огонь, поскольку оно давал прогорклый запах, который мог не понравиться хозяину огня. По этой же причине не полагалось окроплять в огонь также и производные от молока – кислые молочные напитки, такие как хойтпак или тарак. Нельзя было класть в огонь также твердые, засушенные молочные продукты, как курут, ааржы или сыр – быштук, т.к. они плохо горели, могли издавать трескучий звук или погасить огонь. Даже молочный чай, который ежедневно окроплялся в огонь, лишь слегка брызгался в очаг. Из молочных продуктов в огонь обильно клали только топленое масло, поскольку оно не только хорошо горело и издавало приятный запах, а главным образом потому, что оно было основным символом сытости.

Молоко и все производные от него являлись главными подношениями при совершении таких календарных и религиозных праздников и обрядов у тувинцев, как Новый год (Шагаа), поклонение источнику воды, священной горе, домашнему очагу, празднование Будды Грядущего Майтреи и т.д. В этих случаях, «белая пища» выставлялась в чашах. Наряду с молочной, выставлялась также растительная пища, понимаемая как «желтая пища» – хоор сарыг шай – «густой, желтый чай», боова, боорзак, далган – мучные изделия, жареные на топленом масле. Здесь следует отметить такую тонкую грань, когда топленое масло и сливки вместе с растительной пищей (перемолотым ячменем, прокаленным просом) и особенно мучными изделиями, жаренными на топленом масле, переходят в разряд так называемой «желтой пищи». В отличие от «белой», сочетание «желтая пища» вслух не произносилось, это подразумевалось.

Култ «желтой пищи», связанной с молочной и растительной продукцией, исходит, прежде всего, из желтого цвета еды. Однако здесь играет роль также сакральное значение желтого, связанного, например, с цветом Солнца или чиргилчинниг сарыг хову – «желтой степи с миражами». Для тувинского слуха она представляет собой «...степь, богатую созревшей, и поэтому желтой растительностью – гарантией сытости. «Желтая степь с миражами», помимо богатства и сытости, включает в себя также пространственное представление – безграничность и безбрежность, которые усиливают понятие сытости и благополучия» [Донгак, 2004, 221]. Только сочетание «белой» и вслух не произносимой, но

понимаемой, как «желтой» пищи, в тувинском представлении являлось гарантией спокойствия и стабильности хозяйства.

Заключение

Таким образом, молоко и производные от него продукты составляли один из интересных пластов традиционной культуры тувинских кочевников. Высокое отношение к молоку выработало также и строгие правила относительно того, как обращаться с ним, а также – когда, как и кому его подносить. Вместе с тем существовали также запреты, связанные с тем, что отдельные молочные продукты, как жидкие кисломолочные, так и твердые нельзя было класть, например, в домашний очаг. Это свидетельствовало о том, что наряду с высокими категориями, учитывались и практические знания, в данном случае, прогорклый вкус продукта и запах, могущие не понравиться хозяину огня.

Грани сакральных представлений у тувинцев не только многообразны, но и очень тонки, о чем могут свидетельствовать, например, позволение смешивать молоко с водой, или строгий запрет соединять молоко с кровью, «незаметный» переход «белой» пищи в «желтую», главным образом, топленого масла и тех продуктов, которые смешивались с ним, и т.д.

В целом же, культ «белой пищи» в традиционной культуре тувинских кочевников ассоциировался, прежде всего, с чистотой или в их представлении, белизной помыслов – сүт дег, ак сагыштыг – «мысли [у человека] чисты, как молоко», а также беспрепятственностью дороги, длительностью жизни и т.д. Вторым содержанием культа молочной пищи связано с понятиями сытости и благополучия, именно поэтому «белая пища» была угодна высшим силам.

Библиография

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. Бутанаев В.Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 68-81.
3. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 295 с.
4. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Выпуск I. Т. 3. 412 с.
5. Донгак С.Ч. Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки ТИГИ. Кызыл, 2004. Выпуск XX. 420 с.
6. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // Советская этнография. 1979. №5. С. 64-74.
7. Кон Ф. За пятьдесят лет. М.: Советский писатель, 1934. 344 с.
8. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. 464 с.
9. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
10. Потапов Л.П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сборник музея антропологии и этнографии. М.-Л., 1953. Т. XIV. С. 37-71.
11. Прокофьева Е.Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011. 538 с.
12. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Издательство географической литературы, 1957. 273 с.
13. Расспросные речи в посольском приказе атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова о их поездке к Алтын-хану // За три века. Тувинско-русско-монголо-китайские отношения (1616-1915). Архивные документы. К 380-летию начала русско-тувинских связей. Кызыл, 1995. 84 с.
14. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т. I. Книга первая. 221 с.
15. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 312 с.

Sacred aspects of “White Food” among the Tuvan nomads

Svetlana Ch. Dongak

PhD in History,
Head of the ethnography sector,
Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research,
677000, 4, Kochetova st., Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: svetlanadongak@mail.ru

Aziana U. Ondar

Researcher of the ethnography group,
Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research,
677000, 4, Kochetova st., Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: aziana27ondar88@gmail.com

Abstract

The article discusses the cult of dairy food in Tuvinian nomads, understood by them as “white food”. Its sacredness was associated with the white color associated by the Tuvinian nomads with such notions as ak nettle, “white” or “pure soul”, ak ork “white” or “unhindered road”, akidis “white felt”, which personified overall purity, nobility and well-being. Due to the fact that many other products were obtained from milk, “white food” also began to symbolize wealth and satiety, which also corresponded to the idea of the viability and well-being of the farm. The combination of these two aspects, purity and satiety, and were the main reasons for the fact that the “white food” were attributed sacral properties, pleasing the higher forces. However, there was a strict regulation of what types of dairy food to bring to one or another deity. Thus, the milk itself, as well as sour and solid dairy products could not be put, for example, in the fire, because it caused a rancid smell that could not please the divine forces, etc. The splashing of milk into the sides of light and Heaven, was made with the help of a ritual spoon, called tos karak, “nine eyes”, associated with Buddhist views. Thus, a high relation to milk has developed a peculiar behavioral etiquette in Tuvinian nomads, based on bans.

For citation

Dongak S.Ch., Ondar A.U. (2019) Sakral'nye aspekty «beloi pishchi» u tuvinskikh kochevnikov [Sacred aspects of “White Food” among the Tuvan nomads]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (2A), pp. 233-239.

Keywords

Milk, symbol of purity and satiety, taboo on spilling milk, mix of milk and water, taboo of mixing milk and blood, rules of presenting milk, ritual spoon “tos karak,” taboo of giving sour and hard dairy foods to the fire, “yellow food”.

References

1. Abramzon S.M. (1971) *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [Kirghiz and their ethnogenetic and historical and cultural ties]. Leningrad: Nauka Publ.

2. Butanaev V.Ya. (1981) Traditsionnye sposoby vedeniya skotovodstva u khakasov [Traditional methods of livestock breeding in the Khakas]. In: *Voprosy etnografii Khakasii* [Questions of Khakassia ethnography]. Abakan.
3. Dongak S.Ch. (2004) Tsvet i ego simbolika v tuvinskoj kochevoi kul'ture [Color and its symbolism in the Tuva nomadic culture]. In: *Uchenye zapiski TIGI* [Proc. of Tuva institute of humanitarian studies]. Kyzyl. Is. XX.
4. Grumm-Grzhimailo G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai* [Western Mongolia and Uryanhai Territory]. Leningrad. Is. I. V. 3.
5. Kon F. (1934) *Za pyat' desyat let* [In fifty years]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
6. Kurbatskii G.N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty)* [Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects)]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
7. Potapov L.P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the national life of Tuvans]. Moscow: Nauka Publ.
8. Potapov L.P. (1953) Pishcha altaitsev (etnograficheskii ocherk) [Food of the Altaians (ethnographic essay)]. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow-Leningrad. V. XIV.
9. Prokof'eva E.D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev* [The process of national consolidation of Tuvans]. St. Petersburg.
10. (1957) *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to eastern countries of Plano Karpini and Rubruk]. Moscow: Izdatel'stvo geograficheskoi literatury Publ.
11. (1995) Rassprosnye rechi v posol'skom prikaze atamana Tarskogo goroda V. Tyumentsa i desyatnika I. Petrova o ikh poezdke k Altyn-khanu [Questioning speeches in the ambassadorial order of the ataman of the Tarsky city V. Tyumenets and the foreman I. Petrov about their trip to Altyn Khan]. In: *Za tri veka. Tuvinsko-russko-mongolo-kitaiskie otnosheniya (1616-1915). Arkhivnye dokumenty. K 380-letiyu nachala russko-tuvinskikh svyazei* [For three centuries. Tuva-Russian-Mongolian-Chinese relations (1616-1915). Archival documents. By the 380th anniversary of the beginning of the Russian-Tuvan relations]. Kyzyl.
12. Rashid-ad-Din (1952) *Sbornik letopisei* [Collection of chronicles]. Moscow-Leningrad. Vol. 1. Book 1.
13. Weinstein S.I. (1991) *Mir kochevni kov tsentra Azii* [World of nomads in the center of Asia]. Moscow: Nauka Publ.
14. Yakovlev E.K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [Ethnographic review of the non-native population of the Southern Yenisei Valley and an explanatory catalog of the museum's ethnographic department]. Minusinsk.
15. Zhukovskaya N.L. (1979) Pishcha kochevnikov Tsentral'noi Azii (K voprosu ob ekologicheskikh osnovakh formirovaniya modeli pitaniya) [Food of the nomads of Central Asia (On the question of the ecological basis of the formation of a model of nutrition)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 5, pp. 64-74.